

Д. М. Лукьянова

**ФЕНОМЕН ДРУГОГО В ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.**

Белорусский государственный университет, г. Минск;
fil.lukyanovdm@bsu.by;

науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. филол. наук, доц.

Цель данной статьи – выявление основных подходов к интерпретации феномена Другого в философско-литературном западноевропейском дискурсе XX века. Во франкофонной литературе категория Другого по-новаторски осмысливается как необходимый художественный инструмент для создания аутентичной системы образов. Выявлено, что литература инаковости включает три основных компонента: социальная ангажированность, одиночество и осознание собственной инаковости.

Ключевые слова: Другой; категория инаковости; оппозиция «Я» – Другой; постколониальный дискурс; феминистский дискурс; франкофонные литературы.

Фигура Другого является конститутивной семантической структурой в современных философско-литературных попытках реконструировать понятие субъекта (Я). В отношениях инаковости фигура «Я» центрирована: Другой существует так, как «Я» вижу и думаю о нём. Таким образом, Другой существует только по отношению к «Я». Однако постклассические философские опыты доказывают, что феномен Другого подобен фигуре «Я», поскольку также обладает субъектностью, и поэтому является другим собой, Альтер-эго [1]. Исходя из этих наблюдений, возникает несколько вопросов: какова роль Другого в актуализации индивидуального сознания? Если Другой – это объект вне субъективной сущности, и в то же время такой же субъект, как «Я», существует ли магистральное различие между «Я» и Другим?

Согласно диалектике французского философа и писателя Ж.-П. Сартра, субъект пытается присвоить Другого и его свободу, объективизировать его в своем сознании. Отношения между «Я» и Другим можно представить в виде конфликта, который ведёт к демистификации субъекта Другим или даже к посягательству на его свободу. В этом случае субъект является для себя тем, чем он является в первую очередь для других: «я, которое не является мной» [*Здесь и далее перевод наш. – Д. Л.*] [2, р. 285]. Самосознание, утверждаемое Рене Декартом и рассматриваемое как рефлексивная установка, по мнению Ж.-П. Сартра, является иллюзией. Для него «Я» осознает себя как сознание, которое проявляется в мире через взгляд Другого. Идея

самосознания основана на картезианском *cogito*. Она рассматривает человека как автономный субъект, отличный от того, что его окружает [2]. Другой – категория сомнения, поскольку «Я» априори не осознаёт существование Другого. В данной перспективе Другой рассматривается как объект, то есть как сущность, которая проявляется апостериори, в момент осознания собственного существования. По Ж.-П. Сартру, отношения между «Я» и Другим рассматриваются как постоянный *конфликт*, не являющийся гоббсовской «войной всех против всех»; это атмосфера, в которой «Я» и Другой стремятся утвердить себя как бытие-в-себе (*«être-en-soi»*). Американский философ Шерон М. Кей называет данное явление «инверсионным спектром» (*the inverted spectrum a.k.a. inverted Qualia*) [3, p. 58]. Инверсионный спектр опирается на фундаментальную асимметрию нашего собственного разума в сравнении с сознанием Других: в то время как сознательный опыт испытывается прямым и непосредственным образом, свидетельства Другого переживаются опосредованно.

Так, в работе еврейского экзистенциального философа Мартина Бубера «Я и Ты» (*Ich und Du*, 1923) категория Другого характеризуется через человеческое неведение по отношению к инаковости. Согласно М. Буберу, истинные отношения в действительности остаются исключительными и всегда несовершенными. Межличностные отношения чаще всего сосредотачиваются на категории «Я-есть» (*Je-Cela*), для которой овеществление Другого неизбежно. В ходе эмпирического опыта субъект не выходит за пределы своего сознания, в реляционную реальность, а помещает новое знание в парадигму уже существующего в его системе координат. Однако это знание, в свою очередь, является своего рода образом, а не «объективным» отображением самого объекта или субъекта. Но поскольку процесс распознавания чего-то, что может быть пережито, представляет собой сравнение с тем, что уже существует в сознании, местом переживания является прошлое: «Я не могу ощутить опыт или описать личность, которая стоит передо мной, я могу только осознать её» [13, S. 71].

Следует также отметить, что термины с корнем *alter* (*altre*, *alteration*, *alternative*) связаны с идеями изменения состояния, качественной трансформации от лучшему к худшему или наоборот. В последние десятилетия фигура Другого в литературе постепенно лишается этой негативной или позитивной коннотации, присвоенной со стороны. Литература инаковости отмечена повышенным интересом к интерпретации категории инаковости в бинарной оппозиции «Я» – Другой. Перманентное присутствие перспективы, устоявшейся точки зрения на проблему стала заменять более продуктивная модель «субъективизации изнутри». В рамках этой модели нарратор или диегетический герой сам определяет систему координат, в которой он существует. Тем не менее, по мнению многих исследователей, наделение голосом ранее маргинальных литературных персонажей – продукт не эмпатии и

альтруізма, но лишь собственного эгоизма и саморефлексии. Европейский эгоцентризм обязывает реципиента к присвоению травматичного опыта Другого, проецируя его на себя, что в сущности является нативной культурной апроприацией: в данном случае исследуемый субъект не тождественен самому себе: «Но оно [страдание] должно быть обязательно другим, ибо твоего, как оно есть, не избежать даже фиктивно. [...] Тогда “свое” будет тем в страдании “другого”, в чем я признаю мое страдание, побудившее меня к объективизации себя в “другом”» [1, с. 264–270].

Идентичность, разнообразие, иерархия, конфликт, трансформация лежат в основе инаковости и обнаруживаются в том, как она социально выражена. Социальная идентичность отражает то, как отдельные люди и группы интернализируют установленные социальные категории в обществе, такие как их культурная (или этническая), гендерная, классовая идентичность и т. д. Во второй половине XX века фигура автора как посредника между обществом и Другими приобрела особое значение. Так, позиция французской писательницы Симоны де Бовуар в философском эссе «Второй пол» (*Le Deuxième Sexe*, 1949) заключается в том, что угнетение женщин и мизогиния продолжают существовать несмотря на *de jure* равные права, потому что голоса женщин заглушаются из-за стигматизации их как Других. Они понимаются мужчинами как часть ландшафта, в котором живут мужчины и не-мужчины, негативно определяемый недостаток мужественности, в то время как мужчины – это и естественное присутствие, и нейтральная форма по умолчанию. Так, андроцентрическое определение человечества, мужской взгляд в литературе (*male gaze*) маргинализирует женщин и играет ключевую роль в конструировании патриархального угнетения путём наделения привилегией мужской перспективы и ограничения женской [4, р. 57]. В феминистской теории Раман Селден феминность тождественна позиции автохтона: «В различных культурах женщины, подобно колонизированным субъектам, были низведены до положения “Другого”, “колонизированного” различными формами патриархального господства» [5, р. 233]. И феминистский, и постколониальный дискурсы стремятся восстановить маргинализированных перед лицом доминирующих, и ранняя феминистская теория, как и ранняя националистическая постколониальная критика, была озабочена инверсией структур доминирования. Но, как и постколониальная критика, феминистская теория отказалась от подобных инверсий в пользу более общего вопроса о формах и способах «художественной деколонизации». В рамках подобного дискурса колонизатор и автохтон функционируют в динамике, где последний представляет собой инаковый вариант первого, закрепленный в этом статусе посредством бинарной логики.

Основываясь на вышеизложенных философско-литературных подходах к осмыслению Другого, можно выделить три основных компонента, прису-

щих литературе инаковости. Первый – *социальная ангажированность*, обусловленная имплицитным конфликтом героя с внешним миром, поиск идентичности и обнаружение инаковости в бинарной оппозиции «Я» – Другой. Второй – *одиночество*, катализирующее ретроспекцию и саморефлексию, что приводит к обнаружению героем утраченного прежнего единства (данный этап чаще всего вызван потерей важного для героя человека или вынужденной сменой диегетической реальности). Третий – *осознание собственной инаковости*, часто отмеченной маргинальными элементами (саморазрушением, внутренним или внешним бунтом против установленных социальных норм и т. д.).

Таким образом, исследование опыта Другого находит свое отражение в феминистских и постколониальных текстах, становясь основой перехода от субъективного «Я» к более эмпатичному «Мы»-дискурсу. Литература инаковости актуализирует пост- и метамодернистские стратегии, используемые для децентрации устоявшихся догм и связанных с ними стереотипных знаний.

Библиографические ссылки

1. Пятигорский А. М. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 264–270.
2. Sartre J.-P. L'être et le néant. Paris : Gallimard, 1943.
3. Kaye S. M. The Inverted Spectrum. Ohio: John Carroll University, 2017.
4. De Beauvoir S. Le Deuxieme Sexe. Paris : Gallimard, 1986.
5. Ashcroft B. The Post-Colonial Studies Reader. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2005.